

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**СМЕРТЬ
В ВИШНЕВОЙ
«ДЕВЯТКЕ»**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Художественное оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Смерть в вишневой «девятке» / Николай Леонов, Алексей
Макеев. — Москва : Эксмо, 2025. — 400 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-226090-2

Полковник МВД Лев Гуров приглашен на юбилейный вечер масти-того кинопродюсера, а в прошлом известного криминального авторитета Михаила Маковского. Во время застолья юбиляр просит сыщика помочь ему вернуть домой двадцатилетнюю дочь, которая связалась с плохой компанией и ушла неизвестно куда. На следующий день Маковского находят повешенным в своем гараже. Жена утверждает, что до суицида отца довела непутевая дочь. Гурову эта версия кажется неубедительной. Его сомнения усиливаются после того, как экспертиза установила, что жертва сначала была застрелена, а затем убийца подвесил тело в петле. Сыщик решает покопаться в бандитском прошлом Маковского, и вскоре на свет появляется одна очень неприглядная история...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226090-2

© Макеев А.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

**Смерть в вишневой
«девятке»**

ПОВЕСТЬ

Глава 1

— Здесь остановите, пожалуйста.

Маша тронула таксиста за плечо. Гуров машинально посмотрел в зеркало заднего вида. В отражении его взгляд встретился с насмешливым взглядом таксиста. Оба без слов поняли друг друга. Гуров давно подметил, что женщина на пассажирском сиденье либо очень молчалива, либо всю дорогу будет весьма озабочена тем, что без ее указаний сидящий за рулем человек неправильно выполняет свою работу. Не туда повернул, не тем маршрутом поехал, не так посмотрел, слишком разогнался, слишком рано затормозил. Жена Гурова, слава Всевышнему, не была такой, в чем он постоянно убеждался. Но иногда проскальзывало и в этом ее, казалось бы, уважительном отношении к чужому труду нечто такое, что нельзя было назвать ни ложкой дегтя в бочке с медом, ни чем-то похожим. Но оно чувствовалось. Маша не встревала, не указывала — она подмечала. Да-да, именно так. И иногда могла сделать это вслух.

Таксист остановил свою Kia Rio в указанной точке. Всё, приехали. И вот это Машино «Вот здесь остановите, пожалуйста» прозвучало абсолютно нелепо, поскольку Гуров не увидел нужды в том, чтобы напоминать водителю об остановке.

— Спасибо, — улыбнулась Маша водителю и протянула ему непечатую бутылочку с водой, которую прихватила в дорогу. — Возьмите. Очень жарко, а я заметила, что у вас вода закончилась.

Таксист и Гуров одновременно посмотрели на пустую пластиковую «полторашку» из-под газировки, выглядывавшую из-под сиденья.

— Да зачем вы? Не надо мне, — округлил глаза водитель и с мольбой взглянул на Гурова. Но тот в ответ лишь пожал плечами. Мол, жена-то моя, но к ее причудам я не имею никакого отношения.

Маша все еще протягивала таксисту воду. Он сдался и забрал у нее бутылку.

— Спасибо, — широко улыбнулся он.

— Может быть, еще встретимся, — кокетливо проворковала Маша и вышла из машины.

Бедный таксист уже не знал, о чем и думать. Гуров тоже малость обалдел.

— Ты что это такое устроила? — спросил он, поддерживая Машу под руку, пока она, наклонившись, поправляла ремешки на своих сложносочиненных туфлях. — Сначала водичка, а потом намеки какие-то. А, Строева? Совсем нюх потеряла? Забыла, кто твой муж?

Маша распрямилась и одернула подол длинного платья.

— А кто мой муж? — весело спросила она.

— Нет, ну просто слов нет, — растерялся Гуров.

— Тогда слушай... муж, — продолжила Маша. — Ты вообще на людей внимание обращаешь? Смотришь на них не как на статью в уголовном кодексе, а вот просто так?

— Ну как тебе сказать... А при чем тут?..

— На улице жара под тридцать. Наш водитель несколько раз за всю дорогу протягивал руку к пустой бутылке из-под воды. Видимо, просто забывал, что она пуста.

— И ты решила его спасти?

— Жест доброй воли. Приятно же, когда вдруг кто-то проявляет заботу о тебе. Разве нет?

— Да у него, может, в багажнике сотня бутылок припрятана.

— Не припрятана, — отрезала Маша. — Иначе бы он сказал об этом.

Прозвучало довольно убедительно.

— А сейчас куда? — спросил Гуров. — Дороги-то хоть тут нормальные?

— Нормальные.

Они стояли на границе территории частных домовладений, и вид небольших стильных особняков, частично скрывавших-

ся за разросшимися кустами сирени, рвущимися на свободу сквозь стальные прутья кованых оград, указывали на то, что люди здесь обитали совсем не бедные. К таким домикам, как правило, прилагаются навороченные охранные системы.

— Впереди пункт охраны, а там уже идти пару метров, — словно прочитав его мысли, сказала Маша. — Пойдем, а то уже опаздываем.

— Какой пункт? Где?

— Ну не на дороге же его ставить. Вон, в кустах, видишь?

Никакого намека на сторожевой пост Гуров сначала не увидел, но через несколько метров действительно заметил небольшую кабину со стеклянными стенами, внутри которой сидел за крохотным письменным столом человек с мобильным телефоном в руках. Вокруг поста буйствовали высокие кустовые заросли, и казалось, что его специально скрыли с глаз. Шлагбаум тоже присутствовал, но его стрела была приглашающе поднята вверх. Сломан, что ли? Или тут так у них принято — никого не бояться?

По мере приближения к пункту охраны Гуров удивлялся все больше. Охранник не обращал на них никакого внимания. Так и сидел, залипая в телефоне, даже головы не поднял, когда они проходили мимо.

— Он хоть живой? — усмехнулся Гуров. — Во работка, а? Заходи, люди добрые...

— Тут спокойно, — уверила его Маша. — Только свои и появляются. Преступность на нуле.

— Маш, ну это же просто разгильдяйство, — не согласился Гуров. — Ты только посмотри, какие тут дворцы.

— Я тебя очень прошу хотя бы сейчас не думать о работе. Знаю, что иначе не можешь. Но, Гуров, пусть сегодня все будет немного по-другому, ладно?

— Расскажи еще раз про того человека, к которому ты меня пытаешься заманить. Напомни, в двух словах.

— В сотый раз?

— У меня плохая память.

— Продюсер нашего последнего фильма. Совершенно простой мужик. Узнал, что я замужем за полицейским, и попросил прийти с тобой.

— На кой я ему сдался?

— Не уточняла. Думаю, это обыкновенная вежливость. Но, поверь, Гуров, он из тех, кто лучше выберет пожарить шашлыки с простым народом, чем отправиться на Каннский кинофестиваль. Да и опыта у него в этом деле особо нет.

— Начинаящий продюсер?

— Он даже не продюсер, — поправились Маша. — Скорее спонсор. Друг детства нашего режиссера. Деньги у него есть, вот и решил помочь со съемками. Оплачивал нам аренду жилья, четырехразовое питание, транспорт. Правда, и сам постоянно присутствовал на съемочной площадке, но мы все к этому быстро привыкли. Главное, что он не лез в процесс ни словом, ни делом. Ну почти.

— И какой у него был интерес? — не понял Гуров. — Ну вот так вот напрямую присутствовать. Контролировал, что ли?

— Не контролировал он.

— Он хоть свои деньги потом отбил?

— Отбил, отбил, — уверила его Маша. — И даже в кадре за светился.

— Везде успел. Ай да молодец, — не удержался Гуров.

Маша остановилась и требовательно взглянула на мужа.

— Может, я что-то не так объясняю, конечно, но мне совершенно не нравится твой тон, — продолжила она. — Поверь, Лева, я знакома со многими спонсорами и продюсерами. Почти все они махровые дельцы, у которых деньги на первом месте. Всякое случалось, знаешь ли. И чужие руки приходилось с плеча стряхивать, но этот...

— Что за руки? — напрягся Гуров.

— А ты думал, что некоторые юные актрисы попадают в кино исключительно по причине своего таланта?

— Я знал об этом, но не знал, что тебе пришлось с этим столкнуться.

— В полной мере не пришлось. Это случилось лишь однажды, и я быстро поставила человека на место. Мы с тобой тогда даже еще знакомы не были. И позже кто-то пытался, но я уже научилась распознавать чужие желания. Этот человек, который пригласил нас с тобой на свой день рождения, после оконча-

ния съемок сделал подарки каждому члену съемочной группы. От души, заметь.

— И что же он вам подарил?

— Ужин в ресторане, сертификаты на покупку ювелирки и три дня в доме отдыха, где олл инклюзив. Даты плавающие. Кто-то из наших уже сгонял, кто-то перенес на осень. Так что если захочешь, то мы можем прекрасно провести время.

— И тебе он что-то подарил? — прищурился Гуров и окинул Машу с головы до ног внимательным взглядом. — Что-то личное? Не помню, чтобы раньше видел у тебя это платье...

— Я в нем была на прошлый Новый год, — ответила Маша.

— Серьезно? А туфли откуда?

— Из обувного рядом с домом. Но думаю, что подделка...

Маша остановилась, приподняла ногу и демонстративно покрутила ступней, с сомнением глядя на свою обувь. Туфли и впрямь были необычными. Из целого в них присутствовала только подошва, к которой крепился высокий каблук, а все остальное состояло из множества тонких кожаных ремешков, покрытых россыпью каких-то мелких камушков. Только за счет этих ремней, обхватывающих щиколотку, вся конструкция и держалась на ноге. Гуров даже не представлял, как можно сделать в такой обуви хоть пару шагов, но Машу это не смущало.

— Красивые, — зачем-то ляпнул Гуров и посмотрел на свои полуботинки, которые носил уже шестой год. Где они только не побывали вместе со своим хозяином — и хоть бы хны. И сносу нет. Протер салфеточкой и пошел дальше. Не жмут, не скрипят. И стоили, кажется, копейки.

В глубине души Гуров был рад тому, что ссоры не случилось. В какой-то мере ему даже нравилось, когда Маша ловила его на оплошностях. Ее это всегда смешило, даже если до того она была готова схватиться с мужем врукопашную.

— Давай дальше про своего любимчика, — напомнил Гуров.

— Да пожалуйста. Например, на съемках он вместе с осветителями таскал оборудование и ел не ананасы в шоколаде, а то же, что и все. Не требовал для себя особых условий, а создавал их для нас. Ночью повез костюмершу в травмпункт,

когда она руку сильно порезала. Сразу попросил называть его по имени и на «ты». Так мы к нему и обращались.

— Как?

— Дядя Миша, — уважительно произнесла Маша. — Он как-то быстро сравнялся со всеми, и мы забывали о том, что делаем кино на его деньги. А он и не напоминал об этом. Просто вот такой человек. Просто помог другу детства.

— Наверное, у него была причина помогать, Маш.

— Это уже не мое дело. И не твое.

Гуров обнял жену за плечи и потянул вперед.

— Не злись, Машка, — попытался он окончательно вернуть ее расположение. — Ты не так все поняла. Вот если бы я стал при тебе расхваливать другую женщину, то как бы ты на это отреагировала?

— Все я так поняла, — отозвалась Маша. — Ревность, Лева, дурно пахнет, даже если она тщательно спрятана. Но чужих баб при мне обсуждать не смей.

— А то что?

— Познаешь мой гнев. Может, и до развода дойдет.

— Надо будет как-нибудь воспользоваться.

— Гуров!

До слуха донеслись тихие звуки музыки. Гуров прислушался.

— «Он уехал прочь на ночной электричке», — пропел он. — М-м, да твой знакомый знает толк в музыке.

— Ой, да иди ты на фиг, Гуров. Нормальная песня.

— А нам еще далеко?

— Уже на месте.

— Я прекрасно помню, что не в этом платье ты была в новогоднюю ночь, — решил накинуть на вентилятор Гуров, но тут же передумал. — Ладно, готов служить. Это в его доме играет?

Маша кивнула. За ближайшей оградой оказался дом, размеры которого тут же вызвали бы у Гурова вопросы, окажись он в этих местах по долгу службы. Строение сложно было назвать домом. Это был даже не особняк, а самая настоящая вилла в три этажа, с проходным балконом и ярко освещенными высокими окнами. Да и оградка, за которой пряталось такое сокровище, тоже мало походила на те, которые Гуров мог наблюдать при входе в поселок. По сравнению с этой они теперь

казались жалкими подобиями защитных сооружений, купленных по огромной скидке на последние гроши. Там что ни прут, будь он хоть трижды крепким, можно было бы при желании распилить и даже согнуть, а тут вместо прутьев стальные канаты, которые даже танк не сомнет.

Гуров с опаской прикоснулся к одному из прутьев. Удара током не последовало.

Здесь снова сквозь ограду прорывалась сирень, но теперь уже вперемешку с какими-то колючими кустами. Гуров такие в жизни не видел. Тоже, наверное, защита территории, как ни крути. Если случайно споткнуться и влететь в такую опасную растительность, то потом надо сразу нестись в травмпункт, чтобы зашили рваные раны.

Музыка, несомненно, доносилась из особняка. Если в таком внеземном антураже звучит любимая народом песня про электричку и плачущую на перроне девчонку, то Маша была права — хозяин дома действительно был человеком простым. Оставалось увидеть его вживую.

Они зашли через распахнутые ворота и оказались посреди поистине огромной лужайки. От ворот в обе стороны расходились две заасфальтированные дорожки достаточной ширины, чтобы по ним смог проехать, не задевая траву, какой-нибудь «Хаммер». Дорожки вели к противоположным сторонам дома и, огибая его, исчезали из вида. Видимо, там и была расположена парковка, потому что ни одной машины перед домом не стояло.

Нигде не было ни одного человека, а музыка по мере приближения к дому становилась все громче. Маша и Гуров остановились, не зная, в каком направлении двигаться.

— Веди, — потребовал Гуров.

— Я тут в первый раз, — растерялась Маша.

Из-за левого угла дома появился человек и быстрым шагом направился к ним. Это был высокий мужчина лет тридцати в черном костюме-двойке. Его темные волосы были гладко зачесаны назад, и общий внешний вид вместе с решительной походкой и дружелюбной полуулыбкой на лице указывали на то, что мужчина не гость, а скорее кто-нибудь из наемных

работников. Секретарь, помощник или кто там еще прикладывается к богачам, чтобы решать за них некоторые вопросы, на которые не хватает времени? Этот вот был послан к Маше и ее мужу-полицейскому, чтобы встретить их как долгожданных дорогих гостей и отвести к имениннику. Ну как вариант. Разве нет?

Мужчина приблизился и с любопытством уставился на Гурова. Потом перевел взгляд на Машу. Прежде чем она успела произнести хоть слово, он слегка качнулся в их сторону и сложил ладони, будто собирался молиться.

— Мы к Михаилу, — быстро проговорила Маша. — К Михаилу Егоровичу.

— И пригласительных у нас с собой нет, — заявил Гуров, начиная раздражаться.

— Они не нужны, — широко улыбнулся мужчина. — Конечно, я вас провожу. Михаил Егорович хотел устроить торжество перед домом, но синоптики обещали дождь. Поэтому церемония будет проходить в доме.

«Вот сука, — подумал Гуров. — Ты еще тут про свое золотое детство расскажи. Давно бы уже отвел к хозяину, но нет — сначала нужно наладить светскую беседу».

— Я Виктор, — протянул руку мужчина. — Извините за неудобства.

— О чем вы? — непонимающе спросила Маша.

— Вам пришлось ждать. Это мое упущение.

Гуров пожал ему руку. Не хотел, но сделал это. Виктор приглашающе развернулся всем корпусом в ту сторону, откуда пришел.

— Нам туда.

— Понятное дело, — буркнул себе под нос Гуров.

Ему вдруг зверски захотелось выпить. Ну не любил он вот это все. Ни дома эти, напоминающие теплоходы, ни тех, кто в них живет. Хотя сам бы, признаться, не отказался бы провести пару дней в роскоши. Но лишь пару дней, не больше, потому что точно знал, что если задержится, то на душе не только кошки заскребут. Снова потянет в пыль, в суету, в асфальтовые джунгли. Гуров чувствовал себя там гораздо увереннее.

Он нарочно замедлил шаг и взял Машу под руку, чтобы не ушла вперед. Когда Виктор оказался впереди на достаточном расстоянии для того, чтобы не слышать их, Гуров повернулся к жене:

— Он кто?

— Виктор? Впервые его вижу.

— То есть ты успела подружиться с хозяином дома, но ни разу его раньше не видела?

— Ни разу.

Виктор остановился, обернулся и подождал, пока гости не приблизятся. Едва Гуров и Маша поравнялись с ним, он указал на дверь в стене дома, которую не было видно с дороги.

— Проходите, пожалуйста. Прямо и налево.

— Не заблудимся? — спросила Маша.

— Никак нет, — ответил Виктор и услужливо открыл дверь.

Маша первой шагнула внутрь. Гуров последовал за ней. Они казались в небольшом холле, слева виднелся проем, скрывавший узкую лестницу, ведущую наверх. Больше никаких выходов из холла предусмотрено не было, кроме как обратно, на улицу. Виктор оказался прав насчет того, что заблудиться здесь было невозможно. Нужно было просто идти на звуки музыки. Песню о плачущей на перроне девушке сменила другая мелодия, не менее знакомая, а сама музыка играла откуда-то сверху.

— Мальчик все так же хочет в Тамбов, — пробормотал Гуров, пропуская Машу вперед и чувствуя, что начинает волноваться. Маша поднималась по лестнице осторожно, придерживая подол платья, и Гуров, следуя за ней, уже не знал, чего ему ждать, кого он встретит, будут ли там его знакомые и сколько их вообще. Пока они не поднялись, Гуров обернулся и бросил взгляд на тот участок холла, который все еще оставался в поле зрения. Он почему-то подумал, что Виктор решит замкнуть процессию. Но позади никого не оказалось.

Музыка становилась все громче, но громкость была довольно комфортной. Маша, не оборачиваясь, вытянула назад руку и пошевелила пальцами в поисках руки мужа. «Да не хочу я!» —

мысленно взмолился он, но Маше ответил, и теперь они шли, держась друг за друга. Мало того что подниматься по лестнице стало жутко неудобно, так им еще и предстояло появиться на публике, держась за руки, словно влюбленные подростки. Гуров терпеть не мог эти штуки, когда взрослые люди начинали виснуть друг на друге, демонстрируя мнимую привязанность к партнеру или партнерше, что должно было указывать исключительно на любовь до гроба. Сопровождая жену на публичных мероприятиях, Гуров насмотрелся на подобные ужимки некоторых пар и каждый раз радовался тому, что они с Машей не такие. У них все было по-серьезному: актриса Мария Строева всегда шествовала чуть впереди, изредка касаясь своим плечом плеча мужа, и этого было вполне достаточно для того, чтобы окружающие сразу понимали, что вот этот хмурый мужик с недовольным лицом и есть ее спутник не только на сегодняшний вечер, но и на целую жизнь. Но сейчас то что с ней случилось? Сначала втопила в одиночку, про мужа, кажется, вообще и не вспоминает... Теперь вот за руку его ухватила.

Гуров зря переживал. Оказавшись на самой верхней ступеньке, Маша отпустила его руку. Гуров быстро осмотрелся. Они оказались в самом настоящем ресторанном зале, наполненном непременными для торжества атрибутами. Были тут и несколько столиков на несколько персон, и изысканные стулья с высокими спинками, а с каждой спинки свисали длинные гроздьи связанных между собой широких лент то ли из атласа, то ли из шелка — один хрен не поймешь. Стены «ресторана» от пола до потолка закрывали огромные полотна из той же ткани, подхваченные каким-то хитрым способом у самого пола, отчего на ткани образовывались в хаотичном порядке волны. Таким образом создавался интересный эффект — стены от малейшего сквозняка словно двигались. Под невысоким потолком покачивалась небольшая люстра, на которой сверкали самым натуральным хрустальным блеском небольшие подвески. Блеска, впрочем, и кроме люстры здесь хватало. Сверкало все: от бокалов и серебряных столовых приборов до вкраплений на розовой обивке стульев. И цвета вокруг преобладали бледные и нежные, от приглушенного золотого до умирающего ро-

зового, и Гурову пришло в голову, что он словно внутри огромного торта с кремом.

— А-а-а-а! — вдруг завопила Маша что есть мочи, и рука Гурова рефлекторно дернулась к поясу джинсов, где он обычно носил табельное оружие, если того требовали обстоятельства. — А-а-а! Наро-од!

Маша с восторгом посмотрела на мужа и дернула его за рукав. Гуров обернулся и с облегчением выдохнул. В самом дальнем углу, на широком диване сидели и радостно смотрели в их сторону несколько человек. Пока Гуров осматривался, он даже не обратил на них внимания.

Он был знаком со всеми. Их было пятеро, и каждому из гостей когда-то Маша представляла его лично. Режиссер Ефим Бурчак, который несколько раз снимал Машу в своих фильмах, его помощник и правая рука Александр и пара, состоявшая в перманентных любовных отношениях, Алла и Алексей Глебов. Фамилию Аллы Гуров вспомнить так и не смог.

— Наконец-то! — воскликнул режиссер и привстал с дивана. В его руке болтался пузатый бокал с остатками коньяка. — Лев Иваныч, гребн сюда! Маша! Машуня! А мы-то думали...

Маша быстрым шагом приблизилась к компании, Гуров пошел следом, стараясь не задевать стулья. Но парочку все-таки зацепил. Стулья оказались легкими, будто бы пластиковыми, хоть на вид выглядели солидно.

Бурчак прижал Машу к груди свободной рукой. Александр сразу же подвинулся, освобождая для нее место, но садиться Маша не стала. Потянулась к Алле, прижалась на мгновение щекой к ее щеке, а Глебову дружелюбно кивнула.

— Что вы будете? — Бурчак схватил Гурова за плечо. — Тебе же можно сегодня выпить, Лев Иваныч? Не на службе же. Давай поухаживаю. И Маша. Машенька моя! Машуня моя. Чего тебе хочется?

— А что есть? Вино есть? — оживилась Маша и села на диван. — Ох, а тут прохладно. Вино. Я буду вино.

— А ты, Лев Иваныч? Коньяк хорош.

Бурчак качнул бокалом в воздухе.